

ТОПОНИМИКА КРЫМА 2010

Сборник статей

Памяти Игоря Леонидовича Белянского

Симферополь
Универсум
2010

Редакционная коллегия:

Суперанская Александра Васильевна — (председатель)
доктор филологических наук, профессор, главный на-
учный сотрудник сектора прикладного языкознания
Института языкознания РАН;

Бушаков Валерий Анатольевич — кандидат филологичес-
ких наук, старший научный сотрудник Института вос-
токоведения им. А. Ю. Крымского НАН Украины;

Мыц Виктор Леонидович — кандидат исторических наук,
главный специалист департамента «Госзагрансоб-
ственность» Управления делами Президента Российс-
кой Федерации;

Джелилов Ахтем Алиевич — (ответственный секретарь)
преподаватель кафедры крымскотатарского и турецко-
го языкознания РВУЗ «Крымский инженерно-педаго-
гический университет»;

Коньков Павел Владимирович — директор издательства
«Универсум»;

Сыркин Владимир Михайлович — краевед;

Беляев Юрий Анатольевич — (составитель) краевед;

Воробьева Наталья Владимировна — краевед

Топонимика Крыма 2010: Сб. статей памяти И. Л. Бе-
Т 581 льянского. — Симферополь: Универсум, 2010. — 376 с.: ил.,
[32] л. ил.

ISBN 978-966-8048-47-0

Сборник включает воспоминания о И. Л. Белянском, анализ и публи-
кацию его творческого наследия. Опубликовано большинство выявленных
работ, как опубликованных, так и не опубликованных при жизни автора.
Наиболее значительный по объему текст — «Словарь ойконимов Крыма»
(в соавторстве с С. М. Усеиновым) включает более 6000 исторических на-
званий населенных пунктов Крыма. В сборник включены статьи современ-
ных исследователей крымской топонимики, посвященные различным ас-
пектам истории и языкознания. Приложение содержит труднодоступную
статью Гаркави, важную для истории изучения крымской топонимики.

Для историков, географов, языковедов и студентов, изучающих эти
дисциплины. Книга полезна краоведам, для справок по истории поимено-
вания местностей, географических объектов и населенных пунктов Крыма.

ИГОРЬ ЛЕОНИДОВИЧ БЕЛЯНСКИЙ В НАШЕЙ ПАМЯТИ

Этот сборник мы посвятили памяти крымоведа И. Л. Белянского, проделавшего огромную работу по выявлению, классификации, толкованию и локализации топонимов Крыма.

В данном разделе публикуются воспоминания нескольких человек, хорошо знавших Игоря Белянского в разные периоды его жизни. Конечно, список людей, с которыми общался и переписывался Игорь, гораздо обширнее. Со многими мы не смогли вовремя связаться. Мы выкладывали информацию о подготовке книги в блоге и на форумах, предлагали всем, кто знал Игоря написать о нем, но отклика не получили.

Просьба ко всем, кто может сообщить хотя бы незначительные сведения о нем и его творческой деятельности, связаться с редакцией сборника. Если у кого-либо возникнет желание описать хотя бы один эпизод, характеризующий этого человека: о встречах, походах, разговорах с Игорем — пишите нам: даже одна фраза (со ссылкой на автора, разумеется) будет вкладом в память о нем.

Адреса и телефоны — в блоге <http://toponimist.blogspot.com/>

Призвание можно распознать и доказать только жертвой, которую приносит ученый или художник своему покою и благосостоянию, чтобы отдаться своему призванию.

Л.Н.Толстой

НИЩИЙ, СВОБОДНЫЙ, ГОРДЫЙ

Бессребреник и романтик, аскет с рыцарскими понятиями о чести и долге, бесконечно увлеченный Крымом человек — таким остался Игорь Белянский в памяти всех, кто его знал.

Большая часть материалов настоящей статьи собрана по крупицам уже после смерти Игоря, ибо при жизни он почти ничего не рассказывал о себе.

Штрихи к биографии

Белянский Игорь Леонидович родился 29 октября 1950 года в Симферополе. Его отец — Белянский Леонид Петрович, по неподтвержденным сведениям был сотрудником мединститута. Он покинул семью и навсегда уехал из Крыма вскоре после рождения сына. Его мать — Белянская Лидия Михайловна работала ассистентом кафедры акушерства и гинекологии Крымского мединститута. Детство Игоря прошло на территории мединститута, где была их квартира. В раннем детстве он перенес гепатит, и должен был соблюдать диету, за этим строго следила мать. Так что аскетизм был знаком ему с детства (см. цв. вкл. 1).

После окончания симферопольской средней школы № 1, видимо по настоянию матери, он поступил на лечебный факультет мединститута и окончил его в 1974 году с красным дипломом. Свежеиспеченного врача-терапевта направили работать в село Вересаево Сакского района. Есть также сведения, что какое-то время он работал в селе Ивановка того же района.

Что заставило Игоря уехать на много лет из родного города в село? Могла ли мать освободить его от «распределения в глубинку»? Так или иначе, но отбыв положенные три года, Игорь в Симферополь не вернулся, а остался работать в селе. Я думаю, что основная причина — это желание вырваться из-под жесткой опеки матери. Лидия Михайловна, по воспоминаниям сослуживцев, имела властный, авторитарный и бескомпромиссный характер. Игорь многое в характере унаследовал у нее, но, как известно, тела с одинаковым знаком заряда отталкиваются. Игорь с юных лет находился в состоянии перма-

нентного конфликта с матерью. О сельском периоде жизни Игоря почти ничего не известно. Есть отрывочные сведения о неудачной попытке создать семью и о серьезной травме, полученной Игорем от деревенских хулиганов.

В 1986 году вместо жилья на территории мединститута семья получила двухкомнатную квартиру на ул. Бородина. Примерно в начале 1989 года Игорь переезжает жить в Симферополь. Какое-то время работает врачом на стадионе «Филолент», но потом увольняется, и навсегда оставляет профессию врача, полностью посвятив себя топонимике. До своей трагической смерти в 2006 году он провел грандиозную работу, результатам которой и посвящен настоящий сборник.

Первая встреча. И ее продолжение

Мое знакомство с И. Л. Белянским состоялось в 1989 году «с подачи» ныне покойного В. К. Гарагули, в то время старшего научного сотрудника Крымского краеведческого музея.

В те годы в небольшом кабинетике Вадима Константиновича в здании музея формировался своеобразный неформальный краеведческий клуб. Здесь часто можно было встретить крымоведов со всех уголков Крыма и Союза. У Вадима Константиновича можно было получить квалифицированную консультацию по топонимическим, историческим и другим краеведческим вопросам. Кроме того, он выполнял функции «координирующей и направляющей» силы. В беседе он мог подсказать, какие источники использовать для поиска информации, с кем из краеведов связаться. В его записной книжке были адреса и телефоны практически всех активных крымоведов.

В то время я уже был обладателем картотеки топонимов Крыма, размещавшейся в трёх картотечных ящиках, и унесшей немало месяцев моей молодой жизни. Несколько тысяч карточек содержали сведения о крымских топонимах, взятых из доступной крымоведческой литературы

и карт, и несколько сот — из устных опросов туристов, лесников, местных жителей.

У В. К. Гарагули также была картотека топонимов, так что нам было о чём поговорить.

Однажды, при очередной встрече, Вадим Константинович сообщил, что к нему приходил человек, который сам составил неплохую топонимическую карту Крыма и дал его адрес. Это меня заинтересовало чрезвычайно, и поясню почему. В то время у меня, уже собравшего некоторую базу топонимов, на первый план вышел вопрос их локализации. В картотеке было много топонимов, особенно почерпнутых из дореволюционных источников, которые невозможно было привязать к карте. Многие объекты имели по несколько совершенно разных названий, каждое могло иметь до десятка и более разнописаний и искажений. В общем, путаницы хватало, и я всё чаще думал о том, что нужно делать крупномасштабную карту и наносить на неё всё, что уже можно локализовать, тогда и «непоняток» станет меньше. Ведь не привязанные к карте топонимы мертвы, вроде списка мёртвых душ, они представляют только лингвистический интерес. А когда топоним обретает своё место на карте, и соответственно на местности — он оживает, становится горой, на которую можно подняться, родником с холодной водой или глубоким ущельем. И тут я узнаю, что такая карта уже существует, и зовут ее автора Игорь Леонидович Белянский.

Вот я звоню в квартиру на четвертом этаже большого дома на улице Бородина. Дверь открывает худой человек среднего роста. Темные глаза несколько настороженно смотрят на меня. Объясняю, чем занимаюсь и кто меня прислал. Заходим, знакомимся, оба удивлены сходством фамилий. Двухкомнатная квартира; одну комнату занимает пожилая женщина — мать хозяина квартиры, проходим во вторую.

Сразу видны пристрастия хозяина: магнитофон и большое количество бобин с пленкой, одна полка просто забита коробками со слайдами, книги — такие же,

как у меня — путеводители, история, география Крыма. А на подоконнике — масса «трофеев» из походов: окаменелости, минералы, кремневые орудия, рога козули, причудливые ветки и корни деревьев. Вывод — человек явно свой, «ходячий».

Пока я осматривал походные реликвии, Игорь с любовью рассказывал о местах, где найдена та или иная вещь. Разговорились. И чем больше мы говорили, тем больше находили общих пристрастий и мнений. Мы оба ходили по Кавказу, но страстно любим Крым; оба практикуем одиночные походы; оба делаем опросы местных жителей; оба считаем главной задачей локализацию топонимов, оставляя их толкования лингвистам. Могу сказать, что я не встречал другого человека, чьи интересы столь же совпадали с моими.

Игорь показал мне и свою карту. Это был первый вариант его карты. Топонимов на ней было на порядок меньше, чем на последнем варианте, но это был несомненный прорыв в деле локализации топонимов. А еще он удивил меня тем, что не вел картотеки, а записывал топонимы в общие тетради большого формата. Тогда их было две или три. В каждой строчке топоним, краткая (одним словом) топопривязка, и варианты топонима. Был тогда в тетрадях очень существенный недостаток — не было ссылок на источник сведений о топониме. Я сразу обратил на это внимание. Игорь вообще-то согласился, что это упущение, но сказал, что собрать сведения об источниках будет очень трудно.

Первая наша встреча продолжалась больше часа, что для Игоря очень много. Он умел ценить время, хотя время — то единственное, чего у него было вдоволь. Я тогда ушел от него окрыленный — намечалось интересное сотрудничество. Мне кажется, что Игорь тоже остался доволен встречей.

На следующий день Игорь пришел ко мне домой, посмотрел мою картотеку, книги, карты. У меня на тот момент была собрана практически вся послевоенная популярная литература о Крыме, кое-что из научной и несколько десятков дорево-

люционных и довоенных изданий. Игоря все это заинтересовало — он сказал, что теперь берется сделать указатель источников для своего списка топонимов.

После этого мы стали встречаться часто. Примерно раз в неделю Игорь приходил ко мне, набивал свою сумку книгами и уходил, чтобы вернуться через несколько дней. Книг было много, и продолжалось это около года.

С тех пор у Игоря появилась еще одна общая тетрадь школьного формата, где под порядковыми номерами указывались все источники сведений о топонимах: литературные, картографические и опросные. Последний источник получил номер 2675.

Тогда же мы с Игорем договорились об объединении всех наших материалов. Моя картотека на два месяца перекочевала к нему домой и стала составной частью его тетрадей. Их Игорь переписал в новом варианте, теперь в каждой строке после топонима указывалась одна или несколько цифр, соответствовавших номеру источника. В новом варианте тетрадей стало четыре, а последний состоял из пяти тетрадей. Периодически Игорь пересчитывал топонимы. При последнем пересчете их было 38490.

Сложнее дело обстояло с копированием материалов Игоря. Тетради приходилось переписывать от руки, карты переписывать. Это занимало месяцы работы. А количество топонимов постоянно увеличивалось, и нужно было периодически вносить дополнения. Много раз я уговаривал Игоря, сделать из тетрадей картотеку — хотя это и громоздко, но практично в пользовании. Но он не соглашался — так ему было удобнее.

Далее наше сотрудничество выглядело так: я приносил ему новые книги или другие топонимосодержащие материалы, а через несколько дней Игорь возвращал мне все, приложив кальку с фрагментами карты и топонимами, которые удалось локализовать — для дополнения моего варианта карт. Таких калек у меня скопилось толстая папка.

Не топонимикой единой

Игорь был разноплановым и эрудированным человеком. И это проявлялось в его увлечениях.

С юных лет он был большим любителем рок-музыки, и как ко всему остальному, относился к этому увлечению серьезно. У него был старенький бобинный магнитофон и большая фонотека — несколько десятков больших бобин с пленкой. В советское время он заказывал по почте в Москве, в ателье звукозаписи, такие бобины с записями многочисленных западных рок-групп. В архиве сохранилась целая пачка списков — содержание заказов, тексты песен. Имеется также большое количество негативов — переснятых журнальных статей о рок-группах. В СССР это был единственный источник информации о западном роке. Одно время он выписывал чешский журнал «Мелодия» и читал его со словарем, одновременно изучая чешский язык. Каждый вечер он тушил свет в своей комнате, и в течении часа и более, слушал музыку — от классики до шедевров мирового рока. В 1980-х годах Игорь специально ездил в Москву на концерт группы «Пинк Флойд», совместив это с осмотром московских церквей.

С детства Игорь занимался фотографией — сначала он сам обрабатывал черно-белые пленки и печатал снимки, а в горах снимал в основном цветные слайды. Сохранилось около 4500 слайдов — цветная фотолетопись его походов.

Однажды кто-то из знакомых Игоря (кто это был, выяснить не удалось), пригласил его полетать на вертолете. Об этом свидетельствуют несколько прекрасных слайдов, снятых с высоты птичьего полета — Караби, Большой Каньон и др.

Еще об одном увлечении Игоря я узнал только недавно, просматривая его слайды. Их значительную часть составляют снимки церквей и монастырей Москвы, Подмосковья, городов Золотого кольца и других городов России. Поездки эти он совершал несколько лет подряд, в середине 1980-х годов, сочетая их с походами

по Кавказу и Крыму. Тема проработана неплохо — каждый слайд имеет подпись: название монастыря или храма, год его постройки. Ни на одном слайде нет людей, видимо Игорь всегда был один, и это были все-таки поездки, а не походы. Известно так же, что ночевал он всегда в палатке «под сосной» в окрестностях города, в котором его застала ночь.

Культурная архитектура, рок-музыка, топонимы Крыма. Все эти темы в советское время если и не запрещались официально, то мягко говоря, не приветствовались. Чем вызвана такая тяга к запретным темам? Было ли это своеобразной, и может неосознанной формой протеста против душной атмосферы «застойного периода»? Об этом мы можем только догадываться.

Игорь не раз говорил, что коллекционирует скальные дыры — естественные отверстия в скалах, которые часто встречаются в Крыму. Некоторые такие отверстия (сквозные пещеры и гроты, арки выветривания) могут считаться или считаются геологическими памятниками. И мимо таких объектов не пройдет ни один человек с фотоаппаратом. А есть и совсем неприметные, «нефотогеничные» отверстия. Раньше я не задумывался, какую форму имеет эта «коллекция». Это мог бы быть список всех известных Игорю дыр или карта. Однако в его архиве ничего подобного нет. Какое-то количество отверстий запечатлено на слайдах. Но слайды он снимал только до 1991 года. То, что он находил позже, оставалось только в его памяти.

Игорь, несомненно, был романтиком. Да и может ли не быть романтиком увлеченный Крымом человек? Одна из осуществленных Игорем идей могла прийти в голову только романтику в квадрате. Он решил переночевать на всех высочайших вершинах Крыма. Ночевка на вершине в хорошую погоду приятна, а виды чарующе прекрасны. Когда долины уже поглотил вечерний сумрак, с вершины еще видно солнце, а ночью лишь световое зарево над людскими муравейниками напоминает нам о том, что мы не одни в этом мире. Но

так бывает не всегда. Игорь рассказывал о своей экстремальной ночевке поздней осенью на вершине Демир-Капу. Знаете эти осенние непогоды? Холодный ветер дует с такой силой, что струи дождя летят почти горизонтально и буквально «вбивают» в тебя холодную влагу, проникают в малейшую щель. При такой погоде не всякая палатка спасает, а Игорь был без палатки, с тонким одеялом и куском дырявой полиэтиленовой пленки. Когда он мне это рассказывал, я заметил, что у подножия Демир-Капу есть глыбовый хаос и небольшие пещерки-поноры, я бы на его месте укрылся там от непогоды. Игорь, конечно, знал об этом, но с вершины не ушел, и честно мерз всю ночь до утра. Видимо он был большим романтиком, чем я...

Четыре года в походе

Походные интересы Игоря распространялись не только на весь Крым, но и на Кавказ. С 1977 года он начинает записывать хронометраж походов в записных книжках. Этим же годом датируются первые слайды и первый поход по горам Кавказа. После этого на Кавказе он бывал почти ежегодно, лишь в 1983 году вместо Кавказа он побывал с группой на Тянь-Шане. Первые походы были групповыми, остальные — одиночными. Последний поход на Кавказ состоялся в 1991 году. Потом походы стали невозможны по политическим и по экономическим причинам. Я не знаю других людей, кто бы так много ходил по Кавказу в одиночку. А вы знаете?

Рассказывает Игорь Похвалин, ныне покоритель всех высочайших вершин планеты: «*Меня с Игорем познакомил примерно в 1975 году преподаватель мединститута, горнолыжник и турист В. А. Рыжиков. Сходили мы несколько походов по Крыму, но особенно мне запомнился поход вдвоем с Игорем по западному Кавказу летом 1977 года. Я, тогда двадцатилетний студент, был уже гордым обладателем значка „Альпинист СССР“ и собирался выполнить нормы третьего разряда по альпинизму. Но в то лето мне не удалось*

достать путевку в альплагерь. И Игорь предложил пройти вдвоем маршрут Теберда-Архыз-озеро Рица. Много приключений было в том походе: и бык за нами гонялся, и медведь из кустов выскакивал, а на ночевке в Архызе у нас украли весь запас бензина для примуса. Достать бензина не удалось, а тут еще дожди каждый день. А впереди еще четыре перевала. Игорь настаивал на продолжении маршрута при любых обстоятельствах, но я уговорил его поехать в Приэльбрусье. Там мы совершили несколько радиалок на вершины, в ущелья, на склоны Эльбруса. А тот, не пройденный нами участок маршрута до озера Рица Игорь все-таки прошел позже, уже в одиночку (см. цв. вкл. 1-2).

Игорь был на семь лет старше меня, но никаких проблем, связанных с лидерством в группе у нас не возникало. Он обладал глубоким и конструктивным мышлением, умел во всем выделить главное и отместить лишнее. А в делах он был методичен, как баллистическая ракета: уж если она взлетела, цель накроет обязательно. Его ответственность и обязательность, категоричность к необязательным людям imponировали мне — я сам не терплю безответственности. Уже в то время он записывал топонимы — и крымские, и кавказские.

Игорь умел находить общий язык с людьми. В том же кавказском походе на спуске в Архыз нас остановил объездчик заповедника и выдвинул категоричные требования — чтобы мы убирались, откуда пришли (то есть обратно за перевал). Абсурдность требований возмутила меня, молодого и горячего, и я уже собирался применить к объездчику методы физического воздействия. Игорь сказал: „Не надо, сначала поговорим“, и довольно долго и терпеливо беседовал с абorigеном. Его железная логика победила, и нас безвозмездно пропустили в Архыз.

Встречался я с Игорем и позже того похода. Он давал мне редкие тогда записи популярных рок-групп. А мне однажды удалось достать для него копию карты Крыма с дореволюционными названиями,

чему он был безмерно рад. Потом наши пути разошлись, много лет мы не виделись. Изредка я встречал в разных изданиях статьи Игоря, и тогда вспоминал его донкихотский профиль и ироничный прищур глаз, радовался, что он занимается любимым делом.

В августе 2005 года он позвонил мне, и я пригласил его к себе домой. Он пришел вечером, видимо по дороге с работы, выглядел усталым, одет был плохо. От вина, как обычно, отказался, мы пили чай. Немного поел, сказал, что свою норму уже съел, и больше не будет, «чтобы не понравилось». Ему всегда было присуще самоограничение. Поговорили. Он расспрашивал меня о моих восхождениях. О себе, как всегда, говорил мало и не объяснял своих решений. Это была наша последняя встреча».

Все, кто когда-либо ходил с Игорем в горы, отмечают необычайную скорость его ходьбы. Действительно, он ходил очень быстро, особенно по знакомым маршрутам, где не нужно было осматривать окрестности. Для примера можно взять записи из его записной книжки, где он отмечал время прихода на каждый пункт маршрута. Многие знают традиционный кратчайший маршрут из Перевального на Караби-Яйлу через верховья Бурульчи и Суата. Обычно этот путь занимает около пяти часов. А Игорь через три часа ходьбы уже выходил на Караби от Суата. В это время входили и привалы (если они были), кроме того в пути он успевал фотографировать и делать хронометражные записи.

Из других особенностей его тактики хождения было почти полное пренебрежение к существующим дорогам и тропам. На яйле он шел к намеченной цели по прямой, или по компасу. На пересеченной местности шел по тропам только тогда, когда их направление совпадало с линией его маршрута. В остальных случаях он чаще выбирал кратчайший путь — в лоб по склону, по отрогу, по балке.

Такая тактика хождения и предопределила то, что ходил он в основном один. Судя по его записям, большинство его походов — однодневные.

Высокая скорость движения позволяла ему ходить в однодневки (то есть без тяжелого рюкзака) в достаточно отдаленные районы. На Караби мало кто ходит на один день, а он ходил постоянно. За день он успевал из Перевального дойти до Караби, совершить многокилометровое кольцо по яйле, и к вечеру вернуться в Перевальное.

Я всего дважды ходил с Игорем в горы в 1991 г. Оба раза это были однодневки в Зуйские леса. У нас была разная тактика хождения и была, хоть и небольшая, разница в интересах, в горах мы только мешали друг другу. Помнится один эпизод из этих походов. Мы поднимались из ущелья Бурульчи на Долгоуковскую яйлу по одной из троп. Игорь предложил рвануть вверх без тропы по отрогу. Я как всегда снимал кроки пути и отказался — нужно было отснять развилки тропы. Договорились встретиться вверху на краю яйлы. На яйлу мы вышли практически одновременно — короткий путь Игоря оказался крутым и скалистым, с зарослями кустарника.

Запомнилась одна многодневная поездка по восточному Крыму на моей «Ниве». Мы были вчетвером: я — с женой Светланой, семилетним сыном и Игорь. Ночевали сначала на почти пустынном тогда берегу ур. Капсель. Ходили вдвоем с Игорем по Меганому, спускались по несложным, но чрезвычайно непрочным скалам к морю. Помню, что тогда я отметил, что Игорь неплохо лазает по скалам. Осматривали естественные арки и окна в скалах у моря. Позже он описал их в статье «Сюрпризы Меганомы» (см. цв. вкл. 3).

Потом мы поехали к г. Опук, где провели несколько дней. Тогда в море на небольшой глубине было великое множество раковин рапаны огромного размера. Мы с женой их сварили, вытащили моллюсков из раковин, и пытались как-то приготовить. А Игорь ел прямо так, слегка отваренными в морской воде.

Мы с женой бывали на Опукке и ранее, а Игорь был в первый раз. Мы рассказали ему о «дырявом» мысе на самой южной оконечности горы. Мыс очень

необычен: в нем как минимум три отверстия, причем при подходе к нему с востока вид мыса с разных точек дуги берега постоянно меняется — видна то одна дыра, то две, то все три сразу. Игорь конечно захотел увидеть этот мыс, но это было не так просто — нужно было незамеченными пройти по берегу под воинской частью, расположенной высоко на отроге горы. Тогда заповедника на Опуке еще не было, но военные, если замечали посторонних, высылали вооруженный наряд. В тот раз нам удалось удачно пройти к мысу. Мы с женой в шутку объявили, что дарим эти дыры Игорю в его коллекцию. Он ответил, что лучшего подарка никогда не получал (см. цв. вкл. 3).

Несмотря на общую цель — обследовать весь массив г. Опук — вместе мы ходили немного. Игорь был «жаворонком», ложился спать рано, а вставал с рассветом, уходил без завтрака и возвращался к обеду. Я, как и подобает «сове», ложился и вставал позже, и после завтрака уходил до вечера. Обойдя всю гору, мы ходили в степь: на г. Кончек, Киркояшское и Узунларское озера.

По вечерам мы конечно беседовали на разные темы, вот только о себе Игорь не любил рассказывать, что называется «слова не вытянешь», но все менялось, когда разговор шел «про Крым», особенно о топонимах. Это был его конек, он оживлялся, глаза блестели, он с увлечением рассказывал о своих больших и маленьких открытиях, щедро делился информацией.

Тогда я смог оценить его своеобразное чувство юмора. Его мягкие и ироничные шутки почти всегда были ситуативны, посвящены секретным людям и обстоятельствам. А вот анекдотов он не рассказывал никогда.

Все ночевки в этой поездке были у моря, мы все время купались, но Игорь ходил купаться один. И ему удалось скрыть от нас свое неумение плавать — я узнал об этом только из воспоминаний В. Рыжикова.

У Игоря была маленькая одноместная палатка. Места в ней на одного вполне хватало, но был существенный недоста-

ток — и так довольно узкий вход перегораживался пополам стойкой палатки. Залезать в нее было неудобно. И Игорь усовершенствовал палатку: немного удлинив стойку, он ставил ее косо, почти параллельно скату палатки. А от перекоса конструкции спасала дополнительная растяжка. Я позже не раз пользовался этим способом.

По рассказу В. А. Рыжикова, у Игоря был альтиметр — авиационный прибор для измерения высоты над уровнем моря, который он всегда брал с собой в горы. И в записной книжке, кроме времени прохождения каждого пункта, он отмечал и его высоту. И однажды с Игорем произошла не очень приятная история.

Сейчас уже многие знают о месте расположения бывшего сверхсекретного объекта «Сотка» в горах между Балаклавой и мысом Айя. Это была база крылатых ракет, вылетающих «прямо из скалы» в сторону моря. Опубликовано и описание, и фото этих ныне полуразрушенных бункеров в скалах. А в то время, естественно, никто ничего не знал. Видел я тогда забор этой запретной зоны. Впечатляло: два высоких ряда колючки, и еще один ряд столбов с изоляторами — под напряжением. Такую секретность можно было увидеть еще только в Кизилташе, где, как выяснилось позже, хранилось ядерное оружие Черноморского флота. Когда Игорь проходил вблизи «Сотки», его задержала охрана. Обыскав подозрительного одинокого туриста, нашли у него в рюкзаке альтиметр и записную книжку с указанием высот. И тут военные решили, что поймали шпиона, собиравшего данные для наведения американских крылатых ракет «Томагавк». Выяснение личности и допросы заняли весь день. Только к вечеру личность Игоря была установлена, и его отпустили, но альтиметр не отдали.

По записям известно, что за неполные 30 лет Игорь провел в походах 1416 дней. Это почти 4 года, которые он прожил в другом мире, где ничего не значат деньги и документы, а все материальные блага располагаются в рюкзаке за спиной.

На что способен аскет

Итак, ко времени нашего знакомства Игорь был безработным, по советской терминологии тунеядцем, что впрочем, в те годы развитой перестройки уже не преследовалось по закону. Все свое время, всего себя без остатка он посвятил любимому делу.

Мне он тогда сказал, что просто может позволить себе какое-то время не работать, заниматься топонимами и жить на сбережения, а далее будет видно.

«Видно» стало в начале 1990-х годов, когда сбережения, если они еще оставались, превратились в пыль. Вот тогда для Игоря наступила настоящая нужда. Доходов практически не было, а жить было надо.

И тогда он опустил свои потребности «ниже плинтуса» — питался кашами из самых дешевых круп. Овсянка у него считалась деликатесом. Летом и осенью спасали дары природы: грибы, орехи, кизил и т.п. В период созревания грецких орехов он с рассветом выходил на улицы с рюкзаком и собирал упавшие за ночь орехи. В то время развала экономики оставались небурными колхозные сады и огороды, и Игорь запасал на зиму яблоки, свеклу и другие овощи, когда возвращался из походов. Запасов хватало или не хватало на зиму, а вот весной снова было голодно. Мне известно, что Игорь однажды весной выкапывал корни лопуха, как-то готовил их и ел. По существу Игорь тогда был нищим, вот только главных способов существования нищих — мусорных баков и попрошайничества он себе позволить не мог. Я, конечно, знал о его проблемах, и хотя сам в то время жил не шикарно, неоднократно предлагал ему денежную помощь, предлагали и другие люди. Игорь категорически отказывался. Хотя он никогда не объяснял своих поступков, я понимал его так: он сам выбрал этот путь, и сам должен справиться с трудностями. Он не хотел быть ни у кого в долгу. Видимо сама мысль об этом тяготила его. Оставалось использовать доступные способы помощи. У Игоря была

одна книга дореволюционного издания, которую он решил продать. Он обратился ко мне, и я нашел покупателя, книгу удалось продать по достойной цене.

Показателен эпизод, о котором рассказал С. М. Усеинов: *«В период нашей совместной работы над словарем ойконимов, Игорь часто бывал у меня дома. Я знал о его бедственном материальном положении, и не раз предлагал ему деньги. Он всегда отказывался. Но однажды он сказал, что у него есть лишняя кастрюля, которую он может продать. Мне не нужна была кастрюля, но я купил ее у Игоря. Я был рад хотя бы так помочь ему».*

Когда Игорь приходил ко мне домой, не всегда, но часто его удавалось уговорить поесть. Моя жена за глаза называла его «худёночком», и старалась угостить получше. Особенно ему нравились домашние соленья — огурцы, капуста и прочее. Но много он никогда не ел — ссылался на свою «норму».

Нищета мешала и главному делу его жизни — из-за взлетевших цен за проезд он лишился возможности совершать дальние поездки. И Игорь ходил пешком даже в район Старого Крыма и Судака. Но часто совершать такие походы, конечно, не мог даже он. А в радиусе 30–50 км от Симферополя он ходил постоянно. Однажды он нашел какой-то документ, дающий право на бесплатный проезд в электричках, и эффективно использовал его. Он часто ездил в степные районы, у него было много адресов стариков — крымских татар, не охваченных опросами. Потом срок действия документа кончился, и поездки прекратились.

Ему пришлось расстаться и со съемкой слайдов: это и раньше было не очень дешевое занятие, а в 90-х годах оно стало недостижимым.

Игорю пришлось освоить ремесла портного и сапожника. Он перешивал на себя мамины кофты и плащи, зашивал рюкзак, а свои горные ботинки он чинил бесчисленное количество раз.

Позже Игорь стал периодически ходить «на подработку» в бригаду строителей — шабашников. Работе разнорабочего

на стройке не позавидуешь. Месить бетон, подносить тонны камня и раствора на этажи — работа не для слабого человека. Игорь был физически сильным — о таких говорят: «худой, но жилистый», но и ему эта работа давалась не легко. Да и возраст был уже не тот...

Однажды вечером я принес ему какой-то свежедобытый материал — топонимы, которые нужно было нанести на карту. «С картами смогу работать только дня через два» — ответил Игорь, и показал свои руки. После стройки руки были все в ссадинах, и дрожали от перенапряжения.

Когда в 1998 году умерла мать Игоря, он сам, в одиночку копал могилу. И никого не позвал на помощь.

После 2000 года я узнал, что в квартире Игоря живут квартиранты, и успокоился за него: на деньги от сдачи комнаты он вполне мог прожить. И только после его смерти я узнал, что он пустил жить старого знакомого и бесплатно. Ну что ж, это в его духе.

Точка на карте

Для того, чтобы топоним привязать к объекту на карте (локализовать), требуется немного. Нужно только поставить на карте точку, либо другой условный знак, и подписать рядом название объекта. Но только тот, кто сам этим занимался, поймет, насколько это сложно. Ни на одной карте не показаны все родники, все изгибы балок, все выступы микрорельефа. Название может относиться ко всему массиву горы, либо только к ее вершине. Свое имя могут иметь каждая из вершин одной горы, малозаметный выступ на склоне, и просто участок леса или склона. Для точной локализации нужно не только иметь информацию о топониме, но и найти данный объект на местности. Для этого необходимо эту местность изучить. Но ручей не скажет, как его зовут, на горных склонах нет музейных табличек. Сведения об объектах и их названиях часто поступают из разных источников, и связать их воедино — непростая задача. Игорь тем

и отличался от кабинетных ученых, что сам ходил в горы и «трогал топонимы руками». Он, несомненно, обладал талантом картографа и имел особое чутье. Порой поражаешься, насколько точно он наносил на карту почти никому не известные родники и другие объекты. При проверке современными средствами (GPS) процент точных попаданий очень высок. А надписи на карте он делал настолько мелкими бисерными буквами, что многие без лупы не прочтешь. Для этого у Игоря была выработана своя система заточки карандашей.

А вот еще один парадокс Белянского: с его вообщем-то малообщительным и скрытым характером он ходил по селам, общался с незнакомыми людьми, делал опросы. И практически всегда устанавливал хорошие контакты, его приглашали заходить еще. Сохранились несколько писем его бывших респондентов — крымских татар и русских. Все они приглашают его в гости, сообщают новые топонимы, которые вспомнили, или узнали от стариков. У Игоря была своя система опроса и записи топонимов. Если он знал заранее, о каком районе будет идти речь, он предварительно делал кальку с топоосновой этого района. И при опросе многие топонимы наносил сразу на эту кальку. Она помогала ему тут же уточнять местоположение объектов. А то, что не удавалось локализовать сразу, записывал в отдельный список с указанием всех примет и особенностей. Почти всегда удачный опрос требовал похода в горы для выявления и уточнения положения объектов, а после похода снова возникали вопросы к респонденту. Некоторых из них Игорь опрашивал по три, пять и более раз.

Когда разбираешься с топонимической ситуацией какого-нибудь ограниченного района, то запоминаешь многие топонимы и находишься «в теме» по этому району. Потом большинство топонимов постепенно забываются. А Игорь, благодаря ежедневной работе с картой, всегда был «в теме» по всему Крыму. Если заходил разговор о каком-либо районе, он мог без подготовки говорить о топонимах и рас-

положении объектов так, будто держал перед собой карту. И только потом, если требовалось, все же доставал карту и уточнял детали.

С 1992 года Игорь начинает публиковать свои статьи в периодической печати. Написанные им материалы своеобразны и узнаваемы. Главным действующим лицом в них являются топонимы, а остальной текст служит для того, чтобы проводить читателя от одного объекта до другого. Порой кажется, что автор специально стремился добиться максимальной информативности и лаконичности текста, но похоже, что по-другому писать он просто не мог. Как-то он признался, что «писательство» ему дается трудно, и занимается он этим, только, чтобы его труды не пропали даром. Информативности его публикаций можно позавидовать. К примеру, в статье «Взлетевшая над Арпатов» Игорь приводит 44 топонима (с вариантами) описываемого района, многие из них публикуются и локализируются впервые. Кроме того, в качестве аналогий он привлекает еще 26 топонимов других районов Крыма, в основном топонимически связанных с церквями. В статье «Войны и топонимика» приводятся 134 топонима.

Он просто так жил...

У Игоря был очень сложный, трудный для окружающих, во многом парадоксальный характер.

Если он что-либо пообещал, можно было быть уверенным — это будет исполнено в срок. И того же он требовал от других. Но люди, как известно, бывают разные. Есть и такие, которые запросто могут опоздать на встречу, или вообще забыть о ней. Это сейчас подобные проблемы решаются с помощью мобилки, а тогда... Игорь с присущим ему максимализмом ждал встречи ровно 10 минут после назначенного времени. В эти минуты должно было войти и опоздание троллейбуса, и городские пробки, и разгильдяйство ожидаемого. Потом уходил и никогда больше не пытался встретиться с этим человеком.

Я возражал: мол, людские слабости надо прощать, этот конкретный человек мог бы дать много ценной информации и т.п. Ответ был тверд: «Я с такими людьми не общаюсь», и переубедить его было невозможно. В шутку для себя я называл это правилом «таллах».

Правоверному мусульманину по шариату достаточно трижды при свидетелях произнести слово «таллах», чтобы навсегда развестись с женой. Игорь ничего не говорил. Он уходил. Молча. Навсегда.

«Правило 10 минут» распространялось на всех — даже на друзей. Если кто-либо опаздывал на вокзал к назначенному времени, Игорь уезжал в поход сам, бывали случаи, когда опоздавшие встречали его позже, уже в горах. Но с друзьями он отношений не рвал, по крайней мере, из-за одного опоздания. Однажды мы договорились ехать с Игорем на моем автомобиле в одно из сел для опроса жителей. Опоздав на 12 минут, я успел поймать Игоря выходящим из подъезда его дома. «Десять минут прошло, и я решил ехать сам» — сказал Игорь. После этого я избегал назначать конкретное время встречи даже у него дома.

При такой системе не могло обойтись без накладок и недоразумений. За годы нашего знакомства, конечно, бывало всякое. А из одного из писем И. Лезиной следует, что Игорь однажды решил прервать многолетнюю переписку с ней, обидевшись на одну ее несправедливую фразу. Это оказалось недоразумением — фраза была цитатой из письма самого Игоря, и все окончилось хорошо. И все же, все же...

Могу ли я сказать, что мы были друзьями? Скорее нет, чем да. Хотя в 1991 году я бы наверно ответил на этот вопрос положительно. Каждый вкладывает в это понятие свой смысл. Мне кажется, для друзей нужна более глубокая форма открытости и доверительности во всех сферах жизни. Тогда все шло к тому, что мы станем близкими друзьями, но потом что-то не сложилось, что-то помешало. Были какие-то мелкие обиды, связанные больше с недоразумениями с обеих сторон. Я, узнав

о болезненной гордости Игоря, честно говоря, временами останавливал готовую сорваться с языка фразу из опасения получить «таллах» и прервать налаженное сотрудничество.

Кроме того, у меня сложилось впечатление, что Игорь не подпускал людей (а может только меня?) ближе линии условно очерченного вокруг своей жизни круга. Если я ошибаюсь, буду рад, если меня поправят.

В первой половине 1990-х годов произошел инцидент из разряда «хотели как лучше, а получилось...», в результате которого Игорь остался без трудовой книжки. Инцидент неприятный также и для меня, так как я был одним из его инициаторов.

Однажды в моей беседе с преподавателями ТНУ разговор зашел о материалах по топонимии Крыма в ленинградских архивах, о легендарной картотеке Маркевича, о том, что вот просто некому и некогда этим заняться. И тогда я (черт дернул!) предложил отправить в Ленинград Игоря, как самого свободного от общества члена общества. Идея понравилась — все знали, что он времени зря не теряет, запишет максимум топонимов, если надо и карты перерисует. Игорь конечно согласился. Все складывалось отлично — Игоря приняли в ТНУ на временную работу и выписали ему командировку со скромными, но по масштабам его расходов, вполне достаточными командировочными. Кажется, даже вопрос с ночлегом был решен, хотя Игорь собирался ночевать в палатке в лесополосе. Игорю оставалось получить деньги и сесть на поезд. Все радовались, что все получилось, ожидали, что через 2–3 недели он привезет много интересной информации.

Однако потом выяснилось, что Игорь то ли отказался получать украинскую валюту, то ли не смог поменять ее на российские рубли (тогда не было обменных пунктов валюты). Менять деньги незаконным путем (у вокзальных менял) он категорически отказался. Мне никто ничего не сообщил, и когда я об этом узнал, менять что-либо было поздно. Поездка была сорвана.

Естественно, Игорем остались довольны и организаторы, и бухгалтерия, и отдел кадров ТНУ (впрочем, как и он ими). Кроме того, когда он пришел забрать свою трудовую книжку, ему ее не отдали (что-то типа: «подпишите обходной лист по всем факультетам ТНУ»). Второй раз Игорь за ней не пошел. Так его трудовая книжка стала жертвой украинской независимости.

Позже Игорь дважды упоминал о возможности устроиться на работу — если бы была трудовая книжка. Но от принципов не отступил — за книжкой так и не пошел, и переубедить его было невозможно. Кто-то скажет: «дурак», кто-то скажет: «гордыня одолела». Но такой уж это был человек.

Условия выстроенных им самим для себя этических уравнений порой бывали слишком сложны и не имели решения в рамках общепринятого «здорового смысла». Со стороны его действия временами напоминали анекдотичную фразу: «назло кондуктору возьму билет, и пойду пешком». Сама эта фраза, если задуматься, представляет собой этический тест. На чьей вы стороне — нахамившего кондуктора, или не унизившегося до ругни человека, просто вышедшего из трамвая (приемной, кабинета)? Когда я пытаюсь «проиграть» в уме эту ситуацию, пошедший пешком человек, представляется мне очень похожим на Игоря.

Уходя из приемной обнаглевшего чиновника, он поступал так, как и нужно поступать. И если бы так поступали все, у нас были бы совсем другие чиновники.

Представьте: человек, у которого катастрофически не хватает денег, которому практически нечего есть, уходит из редакции, не дождавшись получения заработанных денег. Безработный, он не позволяет себе пойти и забрать трудовую книжку. Таких случаев можно привести много. Видимо иначе он не мог.

Он был «не от мира сего», и жил так, будто находился среди идеальных людей в идеальном мире.

Будто человек из будущего, попав в наш несовершенный и расхлябанный мир, он только своим поведением мог воз-

действовать на нас, грешных. Компромиссов с его стороны не было. Окружающим приходилось подстраиваться под него, невольно становясь лучше...

Я попытался припомнить, слышал ли я от Игоря хоть одно слово мата? И не смог вспомнить. Может просто забыл? Спросил у всех, кто знал Игоря. Тоже не вспомнили. Неужели никогда? Боже, да с кем мы имели дело? Человек высоких нравственных устоев, не проронивший в жизни ни одного бранного слова, праведник, не нарушивший ни одной заповеди. Все земные грехи и соблазны были чужды для него, и даже пост он, пусть и вынужденно, соблюдал всегда.

Идеалист, он имел свою систему ценностей, но никому ее не навязывал.

Он просто так жил...

Маршрутка в бессмертие

Рассказывает А. Б. Гаврилов: «В 2000 году я попал в трудную, но в общем-то типичную житейскую ситуацию — ушел из семьи и связал свою судьбу с другой женщиной. Квартиру и имущество оставил семье, жить было негде, да и с работой были в то время проблемы. Игоря и его маму я знал давно, знал, что мать умерла, и встретив Игоря, я попросил его пустить нас с женой жить в одну комнату его квартиры. Причем я сказал, что сейчас платить нечем, но потом мы с ним рассчитаемся. Игорь согласился и сказал, что платить не надо. Он освободил для нас большую комнату, а сам перешел в малую. Может показаться странным, но Игорь вел себя в квартире не как хозяин, а скорее, как гость — старался быть незаметным, не мешать нам, не «толпиться» вместе с нами на кухне. Мы готовили еду, и конечно угощали Игоря. Позднее, когда у нас решился вопрос с работой, мы стали да-

вать ему деньги за проживание. Игорь отказывался, но нам удавалось с уговорами и хитростями вручить ему деньги.

В то время мы с женой уезжали каждый выходной на 2–3 дня в Мелитополь. Вернулись из очередной поездки — Игоря нет дома, и все признаки говорят, что он не ушел в горы, как обычно. Он не пришел ночевать, и мы забеспокоились. Позвонили в скорую, и нам сообщили, что поступал неизвестный мужчина, похожий по описанию. К сожалению, в живых Игоря нам заставить не удалось».

Трагедия произошла темным и дождливым осенним вечером 26 октября 2006 г. Игорь переходил ул. Киевскую от гостиницы «Москва» на противоположную сторону и был сбит маршруткой, едущей со стороны Марьино. После столкновения водитель вызвал скорую, которая отвезла Игоря в шестую горбольницу. Документов у него при себе не было, и больной оставался безымянным до самой своей смерти 29.10.06 г. В больнице, судя по одежде, и тому, что в течение трех дней его никто не искал, Игоря считали бомжем. Вероятно, и лечили соответственно.

Смерть пришла к нему с неожиданной стороны — он никогда не пользовался никаким городским транспортом.

Есть теория, что человек умирает тогда, когда полностью исполнит миссию, предназначенную ему судьбой. Если это так, то свою жизненную роль Игорь исполнил достойно. Хотя мог бы еще многое сделать...

Игорь похоронен на кладбище, называемом в Симферополе Старым Абдалом. На могиле стоит временный металлический обелиск. Чета Гавриловых, которая осталась жить в квартире Игоря, обещает поставить на могиле достойный памятник. Мы им верим, хотя прошло уже 4 года.

Координаты могилы: 44,984564°N; 34,125014°E.
(Pulkovo 1942)